

ZETTEL

Людвиг Витгенштейн

Людвиг Витгенштейн

Zettel

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64885146

Zettel: Ад Маргинем Пресс; М.; 2020

ISBN 978-5-91103-555-6

Аннотация

Zettel – коллекция заметок Людвиг Витгенштейна (1889–1951), написанных с 1929 по 1948 год и отобранных им лично в качестве наиболее значимых для его философии. Возможно, коллекция предназначалась для дальнейшей публикации или использования в других работах. Заметки касаются всех основных тем, занимавших Витгенштейна все эти годы и до самой смерти. Формулировки ключевых вопросов и варианты ответов – что такое язык, предложение, значение слова, языковые игры, повседневность, машина, боль, цвет, обучение употреблению слов и многое другое – даны в этом собрании заметок ясно настолько, насколько это вообще возможно для Витгенштейна, многогранно и не без литературного изящества. Zettel – важнейший источник понимания его философии и заложенного в ней потенциала для философской работы сегодня.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Валерий Анашвили. «Опавшие листья» Людвиг	5
Витгенштейна. Предисловие к переводу Zettel	
Предисловие издателей	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Людвиг Витгенштейн

Zettel

© 1967 by Blackwell Publishing Ltd

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2020

Валерий Анашвили. «Опавшие листья» Людвиг Витгенштейна. Предисловие к переводу *Zettel*

В перерывах между диктовками «Голубой книги» в 1933–1934 годах Витгенштейн периодически давал «подсказки» или «указания» в ходе неформальной дискуссии со студентами. Его ответ на вопрос, что он имел в виду, предлагая подсказки, звучал так: «Ремарка вроде “это одна из наиболее типичных проблем философии” была бы подсказкой. Эта ремарка может навести вас на верный след при решении проблемы. Но я мог бы опустить все подсказки и сразу обратиться к частным проблемам. Таков уж психологический факт, что люди только тогда понимают, к чему я веду, когда начинают понимать мои общие ремарки, мои подсказки, – и не могут представить, о чем я говорю, когда слышат, как я занимаюсь каким-то частным затруднением... Все, что вам надо, – наблюдать, что мы делаем, а это каждый раз будет одного и того же рода... Предположим, кто-то сказал: “Мое страстное желание – получить всеобъемлющую картину вселенной. Можете ли вы его удовлетворить?” Я бы сказал “нет”... Посмотрим, можно ли, делая то-то и то-то или думая так-то и так-то, – не удовлетворить это желание, но

прекратить испытывать его»¹.

Наше краткое предисловие будет состоять из двух просьб и трех информационных сообщений. Все они касаются работы над заметками Витгенштейна – работы как переводчика, так и читателя, – их формы и некоторой терминологии. От какой-либо интерпретации содержания мы воздержимся – и несколько позже поясним, почему.

О медленном чтении. При публикации русских переводов Людвиг Витгенштейна, кажется, еще не было отмечено важнейшее авторское пожелание, относящееся к взаимодействию с его философией, зафиксированной на письме. При каждом удобном случае, в разговорах со своими друзьями и в дневниковых записях Витгенштейн просил и реально, и воображаемого собеседника, чтобы его читали медленно. Едва ли не самый верный способ отнестись пренебрежительно и отчаянно безразлично к сути работы Витгенштейна – это «бегло пробежаться по его текстам». Прислушаемся: «Иногда предложение можно понять, только если читаешь его *в правильном темпе*. Все мои предложения следует читать *медленно*»².

Витгенштейн умышленно использовал несколько избы-

¹ Alice Ambrose, “Ludwig Wittgenstein: A Portrait”, in *Portraits of Wittgenstein* / Ed. by Francis Flowers and Ian Ground. Vol. 2. London: Bloomsbury Academic, 2016. P. 552–553.

² MS 134, 76–77: “Manchmal kann ein Satz nur verstanden werden, wenn man ihn im richtigen Tempo liest. Meine Sätze sind alle langsam zu lesen”.

точную пунктуацию, синтаксически и интонационно притор-
маживающую взгляд, позволяющую читателю после каждо-
го смыслового сегмента, после каждой нагруженной мысли-
тельными оттенками фразы – остановиться и соотнестись
со сказанным, согласиться с ним или опротестовать его. «Я
на самом деле хочу замедлить скорость чтения посредством
знаков препинания. Я хочу, чтобы меня читали медленно»³.

О праве на интерпретацию. В набросках очередного несо-
стоявшегося предисловия к очередной несостоявшейся кни-
ге Витгенштейн писал: «Не без сопротивления я отдаю эту
книгу публике. Руки, в которые она попадет, – по большей
части не те, в которых я хотел бы ее видеть. Может, скоро
– я бы этого хотел – она окажется забытой философскими
обозревателями и тем самым попадет к куда более заинте-
ресованному читателю». В беседе с Морисом Друри, одним
из своих учеников, он сказал: «Я не думаю, что в настоящее
время люди хотят таких идей, о которых я пишу, но, воз-
можно, лет сто спустя будет так, как я хочу»⁴. Время идет,
и сейчас мы ближе к этому столетнему рубежу, чем первые
интерпретаторы Витгенштейна. Бесчисленные попытки Вит-
генштейна добиться ясности в выражении своих идей неиз-
менно наталкивались, и при жизни, и – еще интенсивнее –

³ Людвиг Витгенштейн, *Культура и ценность. О достоверности* / Пер. с англ.
Л. Добросельского. М.: АСТ, 2010. С. 103.

⁴ Морис Друри, «Беседы с Витгенштейном», *Логос*, 1991, № 1. С. 146.

после его смерти, на стойкую и непреклонную школярскую вкусовщину, сортирующую фрагменты его текстов по разделам и рубрикам. «Аналитическая философия», «неопозитивизм», «логический атомизм», «философия обыденного языка», «мистицизм», «дзен-буддизм»...

Между тем Людвиг Витгенштейн не писал для чьих-либо учебников и монографий. Он писал непосредственно для вас – для тех, кто взял на себя смелость вчитаться в его дислексические строки и попытаться непосредственно услышать его голос, кто поверх нагромождений «специальной литературы» и готовых шаблонов чужих интерпретаций стремится продумать именно то, что продумывал Витгенштейн. (Разумеется, этот упрек не касается многих и многих самоотверженных исследователей, изучающих наследие Витгенштейна и предлагающих свои интерпретации. Их вклад в рамках собственных дисциплин неоценим. Речь лишь о шансах прочитать Витгенштейна здесь и теперь. Витгенштейна, свободного от мнений.)

Фрэнк Рамсей, переводчик на английский язык «Логико-философского трактата» и друг Витгенштейна, писал своей матери 20 сентября 1923 года: «Идея его книги не в том, что, читая ее, кто-то поймет его идеи, а в том, что однажды кто-то продумает их заново для себя и получит огромное удовольствие, обнаружив в этой книге их точное выражение»⁵. Людвиг Витгенштейн неоднократно возвращался к

⁵ Людвиг Витгенштейн в январе 1945 года писал: «Своим сочинением я не

образу торных дорог: несмотря на очевидные сложности, он просил лишь о попытке выбраться из колеи. См., например, в настоящем издании:

«349. Очень трудно описать траекторию мысли, где уже много маршрутов движения – твоих ли собственных, или чужих – и не оказаться в какой-нибудь уже проторенной колее. Это трудно: хотя бы немного отступить от протоптанных ранее мыслительных троп».

«453. Как музыку порой можно наигрывать мысленно, но не насвистывать при этом, поскольку свист сразу заглушит внутренний голос, так и голос философской мысли столь тих, что заглушается шумом произнесенных слов и более не слышен, когда задан вопрос и надо отвечать».

О форме заметок. Наследие Людвиг Витгенштейна может быть разделено на несколько групп: 1) рукописи, 2) машинописные тексты, надиктованные машинисткам или подготовленные самим Витгенштейном, 3) записи диктовок коллегам или ученикам, 4) более или менее точные записи бесед и лекций, 5) переписка.

Почти все рукописи входят в сброшюрованные рукописные книги, только некоторые существуют на отдельных листах. Фон Вригт, один из душеприказчиков Витгенштейна, занимавшийся описью и сортировкой бумаг, пишет, что

стремился избавить других от усилий мысли. Мне хотелось иного: побудить кого-нибудь, если это возможно, к самостоятельному мышлению».

«распределил рукописные книги в каталоге на “тома”, “большие тетради”, “тетради” и “записные книжки”. Все тома собраны под твердыми переплетами. Они значительно отличаются по размеру. Некоторые из самых больших представляют собой тетради большого формата, от 21 до 31 сантиметров в высоту. Те, что я назвал большими тетрадями, – все одного размера (22 на 29 сантиметров), в мягких обложках. “Записные книжки” обычно имеют от 10 до 16 сантиметров в высоту, большая их часть в твердых переплетах». Георг Хенрик фон Вригт предложил следующие обозначения, используемые до сих пор: «Чтобы сослаться было проще, я пронумеровал объекты в каталоге следующим образом: рукописи (MS) начинаются с номера 101, машинописные тексты (TS) – с номера 201, а диктовки (D) – с номера 301».

В рукописях Витгенштейна почти всегда различаются две стадии работы над ними: «первые черновики» и «более законченные версии». Различие между стадиями часто неявное, и между ними нет четкого соответствия. Некоторые из наиболее законченных записей представляют собой пересмотр более раннего материала, по характеру напоминающего черновик, другие же – пересмотр материала, который сам может быть классифицирован как «более законченный». Некоторые определенно похожи на рукописи для планируемой книги.

Фон Вригт отмечает: «...в более законченных рукописях записи часто датированы. Это делает установление хро-

нологического порядка этих рукописей относительно простым. Во многих случаях книги представляют собой последовательные дневники, отмечавшие каждый день, в который делалась заметка. В других рукописях этой категории есть только несколько дат, а большие разделы не датированы. Некоторые из рукописных томов содержат части, разделенные большими временными интервалами. (Речь идет о номере 116, который относится предположительно к периоду с 1936 по 1945 год). Иногда бывает, что два или более рукописных тома написаны в один период или в периоды, которые значительно накладываются друг на друга (например, номер 117, первая половина которого приходится примерно на то же время, что и номера 118–121 вместе). Таким образом, хронологический порядок томов не полностью линеен.

Основная часть “более законченных” рукописей может быть разделена на две “серии”. Первая серия состоит из восемнадцати томов, написанных в 1929–1940 годах. Витгенштейн ссылаясь на них как на *Bände* (тома) с номерами. Обычно он также присваивал им название – например, *Philosophische Bemerkungen* («Философские замечания»).

Вторая часть состоит из шестнадцати рукописных книг; некоторые представляют собой записные книжки, а не “тома”. Невозможно точно сказать, какие записи должны рассматриваться как принадлежащие к этой серии и закончена ли она, как первая. Серия относится к 1940–1949 годам.

Из рукописей, имевших наиболее законченную форму,

Витгенштейн диктовал машинисткам. В ходе диктовки он, очевидно, часто переделывал предложения, добавлял новые и менял порядок заметок из рукописи. Обычно он продолжал работать и с машинописным текстом. Метод, который он использовал, заключался в том, чтобы разрезать напечатанный текст на части и поменять порядок заметок. Яркими примерами такого метода работы являются номера 212, 222–224 и 233 в каталоге»⁶. Процесс сортировки вырезанных фрагментов машинописи, исправления слов, фраз, вставок ручкой или карандашом, а затем повторной диктовки уже в новой последовательности, мог повторяться неоднократно.

Именно таким образом была создана коллекция заметок, имеющая название *Zettel* («листки бумаги»)⁷, публикация которой перед вами. Чтобы яснее представлять себе структуру записей и то, как с ними работал Витгенштейн (их рукописные и машинописные источники), покажем, как устроены первые тридцать заметок (воспроизведение подобной информации по всем 717 заметкам заняло бы здесь слишком много места)⁸.

⁶ Georg Henrik von Wright, “Special Supplement: The Wittgenstein Papers”, *Philosophical Review*, 1969, vol. 78, no. 4. P. 485–486, 488.

⁷ О русских эквивалентах немецкого слова *Zettel* см. в нашей сноске на с. 30 настоящего издания.

⁸ Все тексты Витгенштейна, опубликованные распорядителями наследия и находящиеся до настоящего времени в научном обороте, выглядят примерно таким же образом, с тем лишь отличием, что коллекцию выписок и фрагментов *Zettel*

В таблице ниже шесть колонок. Первая содержит нумерацию, соответствующую нумерации заметок в оригинальной версии *Zettel*. В каких-то вырезках рукописный текст дополняет печатный, другие содержат только текст, написанный от руки. Варианту систематизации заметок, предложенному Питером Гичем, фон Вригт присвоил номер 233. Таким образом, в *Zettel* вошли материалы TS 233 с некоторым количеством изъятий (решения о которых произвольно принимались редакторами). Во второй колонке указаны номера машинописных документов, из которых Витгенштейн вырезал заметки. В третьей колонке приведена нумерация разделов, в которые были включены вырезанные высказывания. В четвертой и пятой колонках указаны номера рукописей и страницы, на которых данные заметки появились впервые. В ше-

формировал сам Витгенштейн, а «Философские исследования», «О достоверности», «Культуру и ценность», «Философскую грамматику», «Заметки о цвете», «Заметки о философии психологии» и т. д. — посторонние люди, нигде при этом не эксплицируя принципы, на основании которых осуществлялась публикация, не фиксируя, из каких манускриптов и машинописей набираются фрагменты, на какой стадии обработки и правки они находились на момент смерти автора и т. п. Все подобные компиляции, с некоторыми оговорками, дают, конечно, представление о философии Витгенштейна, но неминуемо затевают и маскируют всю картину в целом, опуская что-то важное для самого автора (и исследователей), кажущееся при этом несущественным или ненадлежащим его публикаторам. Начало подлинно научной, текстологически выверенной работе с наследием положил пятитомник “Ludwig Wittgenstein: Wiener Ausgabe” (систематическое издание машинописной части архива, к сожалению, незаконченное), а также современные издания под редакцией Брайана Макгиннеса и некоторых других специалистов.

стую колонку внесена информация о годах появления машинописных документов. Следует отметить, что ссылки на MS 142, как и на записи 440–446, являются неточными. Согласно фон Вригту, эта рукопись была утрачена. Витгенштейн записывал различные формулировки схожих заметок. В список в основном включены последние версии высказываний, по содержанию наиболее близкие к тем, которые в итоге были опубликованы.

Существуют следующие конвенции в отношении оформления ссылок на *Zettel* и на документы Витгенштейна:

1. «N» указывает на то, что единственный источник, в котором встречается данное высказывание, – это вырезки с рукописным текстом Витгенштейна.

2. Строчные буквы после чисел обозначают номера абзацев. Так, «26a», например, относится к первому абзацу. «26b» отсылает ко второму абзацу соответствующего высказывания в *Zettel*, и т. д. Абзацы разделов в рукописях обозначены аналогичным образом. Цифра после буквы указывает на предложение. «26c,d I» отсылает к третьему абзацу и первому предложению четвертого абзаца заметки под номером 26.

3. Номера страниц MS 137 обозначаются буквами «a» и «b», поскольку в этой рукописи пронумерована только каждая вторая страница⁹.

⁹ Подробнее об этом см.: André Maury, “Sources of the Remarks in Wittgenstein’s *Zettel*”, *Philosophical Investigations*, 1981, vol. 4, no. 1. P. 57–74.

Zettel Раздел	Машинописный источник		Рукописный источник		
	TS No.	Раздел	MS No.	Раздел	MS дата
I	232	574a	137	45a	1948
2a H					
2b	232	574b	137	45a	1948
3	228	12	116	16	1934
4	228	427	115	48	1933–1934
5	228	106	116	129	1934
6	232	258	136	77	1948
7	228	202a	116	279	1944
8	228	202b	116	279	1944
9	228	236	129	100	1944–1955
10	228	32	116	29	1934
11	228	33	116	31	1934
12	228	584	130	16	1944–1945
13	228	199	116	277	1944
14	228	237	129	101	1944–1945
15	228	212	116	292	1944
16a,b	228	591	130	19	1945
16c H					
17	228	235	129	100	1944–1945
18	228	239	129	102	1944–1945
19	228	586	130	17	1944–1945
20	228	592	130	20	1944–1945
21	228	195	116	272	1944
22	228	192	116	266	1944
23	228	319	cf,129	163	1944–1945
24	228	356	129	192	1944–1945
25	228	207	116	286	1944

При работе над дизайном настоящей публикации мы старались максимально бережно сохранить форму, которую придавал своим заметкам Людвиг Витгенштейн. Машинопись обычно не позволяла следовать его эстетическим установкам, но все рукописные материалы неизменно сохраняли его визуальные предпочтения, связанные с тем, как должен выглядеть созданный им текст (в том числе опубликованный в книге). «Страницы рукописи всегда щедро заполнены и экономно использованы. В глаза бросается структура заметок, каждая из которых хотя и не имеет отступа, но предваряется пустой строкой. Абзацы внутри связанных между собой заметок обозначаются отступами. Даты указаны нерегулярно, редко полностью и всегда находятся на пустой строчке перед заметкой. Страницы рукописи создают впечатление тщательно разработанного графического образа. Точность и красота страниц соответствуют их содержанию: *“Писать правильным стилем значит точно установить вагон на рельсы”*, Л.В., 1940.

В этом отношении собрания заметок представляют собой переход с одного ряда дорог к другому. Возможно, именно поэтому Витгенштейн уничтожил большую часть этих собраний, как только переход был осуществлен. Сохранилось лишь несколько сборников такого рода. Мы публикуем перевод самого известного из них, собрания, изданного распорядителями наследия Г. Э. М. Энском и Г. Х. фон Вриг-

том под названием *Zettel*, – фактически коробку с материалами, оставленными Витгенштейном после смерти, в которой, кроме отдельных листов, было много записок, соединенных канцелярскими скрепками и рассортированных в стопки по темам. Помимо исправлений, сделанных от руки на некоторых вырезках, часто также и на оборотной стороне, в коробке хранились и отдельные более длинные, ни к чему не присоединенные листы бумаги, исписанные вручную. Это собрание, возможно, появилось во время нового этапа работы, который Витгенштейн не закончил. Похоже, это единственная причина, по которой сборник отрывков сохранился. К несчастью, в ходе публикации в 1967 году систематизированное собрание отрывков Витгенштейна было уничтожено. Отдельные части и их связки были вставлены в книгу (TS 233) по указанию издателей и без примечаний об их изначальном порядке.

Вероятно, первоначальное собрание записок прямо связано с последними рукописями Витгенштейна. Ключом к последней и незаконченной работе Витгенштейна (все еще неопознанной) может являться TS 235, оглавление, состоящее из 163 тем»¹⁰.

TS 235 содержит 163 пронумерованных абзаца с различным количеством строк, некоторые абзацы или слова аккуратно зачеркнуты (например, номер 3). Характер этой маши-

¹⁰ Michael Nedo, *Ludwig Wittgenstein Wiener Ausgabe: Einführung/Introduction*. Wien: Springer-Verlag, 1993. S. 84.

нописи действительно напоминает план готовящейся книги, во всяком случае, это похоже на список, на основании которого удобно сортировать отдельные заметки: по ключевым словам или тематике. Собрание *Zettel* в значительной степени пересекается с тематикой этого гипотетического оглавления из 163 позиций, и это позволяет думать, что та коллекция заметок, которую мы здесь публикуем, не случайна. Приведем для примера некоторые фрагменты TS 235: «1. ‘Язык’, ‘предложение’, ‘слово’, понятие повседневности. 2. Значение слова. Предмет, к которому относится слово. 4. Можно ли определять “язык” как устройство, служащее определенной цели. 5. Сравни ‘придумать язык’ с: ‘придумать игру’ и ‘придумать машину’. 6. Является ли языком перфорация бумажной ленты в пианоле? 7. Представление не является образом. Но образ может ему соответствовать. 8. Как учатся тому, чтобы представлять *этот* цвет? <...> 100. Философия оставляет всё как есть. 101. Шутка в игре. 102. “Это полностью меняет характер игры”. Суть понятия зависит от фактов опыта. 103. “От этого понятие утратило свою суть”. Переход количества в качество. 104. “Если ты узнал, что означает это слово, и ты его понимаешь – ты знаешь все способы его применения”».

О переводе некоторых терминов. Элис Эмброуз отмечала: «Если сравнивать с языком “Трактата”, в котором он использовал слова в необычном смысле, например “объекты” или

“картины”, или вводил новые выражения, такие как “элементарное предложение” или “атомарный факт”, – язык его лекций не сложен. Он использовал язык повседневной речи. И не было ни намеков на мистицизм, ни отсылок к тому, о чем невозможно говорить. Озадачивало то, что он использовал яркие примеры, которые сами по себе были понятны, но *смысл*, в них закладываемый, ускользал. Это все равно что слышать притчу, но не иметь возможности увидеть ее мораль»¹¹. Во времена «Логико-философского трактата» Витгенштейн действительно обращал пристальное внимание на придание некоторым лингвистическим единицам статуса строгих терминов с помощью многословных определений. Это влекло за собой необходимость столь же строго отслеживать и передачу этих терминов при переводе на другие языки.

Ср., например: «В данном афоризме в дополнение к уже применяемому в “Логико-философском трактате” термину *Tatsache* вводится также *Sachverhalt*. Смысл того и другого Витгенштейн пояснял в письме Расселу следующим образом: *Sachverhalt* – то, что соответствует элементарному предложению, если оно истинно. *Tatsache* – то, что соответствует предложению, логически производному от элементарных предложений, если таковое – результирующее – предложение истинно. *Tatsache* переводится как факт. С толкованием же термина *Sachverhalt* дело обстоит сложнее. В первом

¹¹ Alice Ambrose, “Ludwig Wittgenstein: A Portrait”. P. 552.

английском издании “Трактата” (под влиянием Рассела, со ссылкой на пояснения, данные ему Витгенштейном в письмах и устных беседах) *Sachverhalt* было переведено как “атомарный факт”. Эта версия была сохранена и в первом русском издании произведения. В дальнейшем подтвердилось, что такая трактовка термина соответствовала смыслу, который в него вкладывал автор, – кстати, не высказавший в связи с понятием “атомарный факт” при вычитке перевода никаких возражений. Но материалы, проясняющие смыслы базовых терминов ЛФТ, увидели свет довольно поздно; спорной до 1970-х годов представлялась и причастность Витгенштейна к созданию английской версии *Трактата*. Не удивительно, что специалисты, изучавшие произведение, долгое время не были уверены в корректности английского перевода *Sachverhalt* (тем более что само по себе это немецкое слово не указывает на нечто атомарное, элементарное), а некоторые были даже убеждены, что такой перевод усложнил и запутал дело. И все-таки многие аналитики неизменно приходили к выводу: *Tatsache* – комплексный факт, *Sachverhalt* – элементарный факт в составе факта.

Однако понятие “атомарный факт” излишне сближало концепцию ЛФТ с логическим атомизмом Рассела и невольно придавало мыслям Витгенштейна не свойственный им привкус британского эмпиризма (с характерной для него идеей прямого чувственного знакомства с объектом и др.), что, по-видимому, немало способствовало логико-позити-

вистскому прочтению *Трактата*. В новом переводе труда на английский язык, который осуществили Д. Пэрс и Б. Макгиннес (первое изд. 1961), немецкому *Sachverhalt* соответствует английское *state of affairs* или *state of things* (состояние дел или положение вещей)»¹².

На русский язык разные переводчики «Логико-философского трактата» и подготовительных материалов к нему переводят *Sachverhalt* по-разному. И. Добронравов и Д. Лахути¹³ – как «атомарный факт», М. Козлова и Ю. Асеев¹⁴ – как «со-бытие», В. Суровцев¹⁵ – как «состояние дел», В. Руднев¹⁶ – как «положение вещей», Л. Добросельский¹⁷ – как «позиция».

¹² Людвиг Витгенштейн, *Философские работы* / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 497.

¹³ Людвиг Витгенштейн, *Логико-философский трактат* / Пер. с нем. и сверено с авторизованным англ. переводом И. Добронравовым, Д. Лахути; общ. ред. и предисл. В. Ф. Асмуса. М.: Издательство иностранной литературы, 1958; Людвиг Витгенштейн, *Логико-философский трактат* / Пер. с нем. и сверено с авторизованным англ. переводом И. С. Добронравовым и Д. Г. Лахути. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008.

¹⁴ Людвиг Витгенштейн, “Логико-философский трактат”, в *Философские работы*. Ч. I. С. 1–74.

¹⁵ Людвиг Витгенштейн, *Дневники, 1914–1916* / Общ. ред. В. А. Суровцева. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009.

¹⁶ Людвиг Витгенштейн, “Логико-философский трактат”, в *Избранные работы* / Пер. с нем. В. Руднева. М.: Территория будущего, 2005. С. 11–228.

¹⁷ Людвиг Витгенштейн, *Логико-философский трактат* / Пер. с нем. Л. Добросельского. М.: АСТ, 2010.

То, что говорила Элис Эмброуз о языке лекций Витгенштейна, относится и к языку его текстов. В более поздний период Витгенштейн использовал в своей философской работе исключительно слова обыденного языка в их обыденном употреблении. Собственно, придание им какой-либо специфической функции противоречило бы самой его поздней философии, которая показывала невозможность существования «приватного языка», основанного на следовании правилам, созданным для себя самого, потому что такой язык был бы непереволим и лишен критериев правильного употребления, соблюдение которых могли бы контролировать другие¹⁸. Столь отчетливая тяга к упрощению искусственной терминологической компоненты авторского словаря (при одновременном расширении лексического богатства) позволяет переводчикам сконцентрироваться не на создании неологизмов или чего-либо подобного, но на селекции и уточнении узуса обыденных слов собственного языка.

Тем не менее выборочно коснемся некоторых аспектов нашего перевода. При всей терминологической гибкости позднего Витгенштейна минимальные различия близких по значению слов (исходя из практики их употребления) могут быть полезны. Например, мы остановились на следующих соответствиях: *Gebrauch* – «употребление», *Verwendung* – «использование», *Anwendung* – «способ применения»,

¹⁸ См. об этом: Карл-Отто Апель, *Трансформация философии*. М.: Логос, 2001. С. 96.

Benutzung – «регулярное использование». При этом, обратившись к одному из существующих переводов «Философских исследований», мы снова увидим вариативность: «а между тем его значение заключено в его *ynotреблении*» – und anderseits liegt seine Bedeutung in seiner *Verwendung* (с. 161, § 197); «...существует регулярное их *ynotребление*» – ...es einen ständigen *Gebrauch*... gibt (с. 162, § 198). И в большинстве случаев так – «употребление». Но в § 199: «*применения, институты*» – *Gebräuche* (установления, обычаи), Institutionen, или, например, на с. 181, в § 288: «будет видно из его *применения* этого слова» – wird er im *Gebrauch* des Wortes zeigen, и т. д.

При переводе на русский язык традиционно ведутся дискуссии по поводу немецкого слова *Bild*¹⁹. Разные перевод-

¹⁹ Ср., например, предуведомление Владимира Иткина к своему переводу «Голубой» и «Коричневой книги»: «Самым проблематичным может показаться перевод английского picture как “образ” или “изображение”. Аргумент в пользу такого перевода: такие варианты приемлемы, поскольку этот термин Витгенштейн использует не просто в смысле “картинка” (что имеет значение нарисованного изображения), а в смысле немецкого *Bild*, т. е. образ в широком смысле слова. Здесь может возникнуть смешение с английским *image*, последнее – это мысленный образ (ср. английское *imaginary*). Действительно, в ряде случаев Витгенштейн делает упор именно на противопоставлении картины как картинки или пиктограммы мысленному образу (даже если речь идет об “образе”, “находящемся в голове”, Витгенштейн пытается расщепить это понятие). Справедливости ради стоит сказать, что наиболее широким спектром значений в русском языке обладает слово “картина”, но, к сожалению, его употребление очень ограничено. Соответственно, возникает ситуация, когда: а) необходимо соблюсти единую терминологию; б) при этом слово “картинка” имеет слишком конкретное значение; с) слово “образ” имеет слишком широкую область значений; д) слово “кар-

чики Витгенштейна предпочитают разные варианты перевода. Например, В. Биbihин считал, что *Bild* это «рисунок»²⁰, В. Суровцев вполне аргументированно настаивает на «образе», Ю. Асеев и М. Козлова считают, что лучше переводить его как «картина»; правда, в своем переводе они используют все возможные варианты – «образ», «картина», «изображение». Ср. в их русском издании «Философских исследований»: «он должен взять тот цвет, *образ* которого всплывает в его сознании при звуках услышанного слова» – *er soll die Farbe nehmen, deren Bild ihm beim Hören des Wortes einfällt* (с. 170, § 239); «Представление – не *картина*, но *картина* может ему соответствовать» – *Eine Vorstellung ist kein Bild*,

тина” не всегда употребимо в нужных нам случаях. Мы остановились на слове “образ”, хоть и признаем спорность этого варианта перевода. Так или иначе, контекст обычно проясняет суть» (Людвиг Витгенштейн, *Голубая и коричневая книги* / Пер. с англ. В. А. Суровцева, В. В. Иткина. Новосибирск: Издательство Сибирского университета, 2008. С. 13).

²⁰ Об этом мы можем судить в том числе по его переводам на лекциях, посвященных работам Витгенштейна. Из «Голубой книги»: «Если мы удержим в поле зрения возможность *рисунка*, который, оставаясь правильным, не имеет никакого подобия с предметом, то будет совершенно бессмысленно вставлять какую-то тень между фразой и действительностью. Ведь тогда сама фраза может служить такой тенью (Wenn wir die Möglichkeit eines *Bildes* im Auge behalten, das, obwohl es korrekt ist, keine Ähnlichkeit mit seinem Gegenstand hat, dann wird es völlig sinnlos, einen Schatten zwischen Satz und Wirklichkeit zu schieben. Denn nun kann der Satz selbst als so ein Schatten dienen)» (Владимир Биbihин, *Витгенштейн: лекции и семинары 1994–1996 годов*. СПб.: Наука, 2019. С. 111–112). Здесь полезно обратить внимание и на то, как Владимир Вениаминович предлагал переводить немецкое Satz – как «фраза». Мы в своих переводах предпочитаем оставлять «предложение».

aber ein *Bild* kann ihr entsprechen (с. 184, § 301); «При этом человек мог бы указывать на *изображение* в зеркале» – Dabei könnte man auf ein *Bild* im Spiegel weisen (с. 208, § 411. – *Здесь и ранее везде курсив наш.* – В.А.)²¹. Нам подобная вариативность совершенно не кажется проблемой, поскольку настойчивое следование одному-единственному принятому варианту перевода многозначного слова не всегда способствует лучшему пониманию первоисточника, но, наоборот, местами лишь затемняет его смысл, вжимая вольное течение языка оригинала в узкое ложе того или иного переводческого решения.

Например, «Принципы механики» Генриха Герца (введение Герца к этому произведению, откуда и взята приводимая нами ниже цитата, являлось для Витгенштейна важнейшим источником терминов и идей, в частности, здесь он позаим-

²¹ Людвиг Витгенштейн, *Философские работы*. Ч. I. Такая же вариативность используется этими переводчиками (безусловно, в целом виртуозно и блистательно справившимися со сложнейшими трудами Витгенштейна) при передаче на русском языке немецкого глагола *denken* (включая его субстантивированную форму) – в разных местах перевода возникает то «думать», то «мыслить»: «“Можно ли *мыслить*, не говоря?” – А что такое *мыслить*? – Ну, а разве ты никогда не *думаешь*?» (с. 189, § 327; “Kann man *denken*, ohne zu reden? – Und was ist *Denken*? – Nun, *denkst* du nie?”); «Может ли машина *думать*?» (с. 197, § 359; “Könnte eine Maschine *denken*?”). Насколько мы знаем, это нигде ими не эксплицировано, но здесь отчетливо видно, что переводчики, пренебрегая идентичностью передачи немецкого слова, при переводе довольно аккуратно проводят различие в русском языке между «мыслить вообще» (если имеется в виду процесс мышления, не атрибутируемый в данном конкретном случае субъекту) и «я (ты, он, она) думаю».

ствовал базовый для «Трактата» термин *Bild*, свою «картинную теорию») вышли по-русски в очень удачном, едва ли не референсном переводе, выполненном в рамках советской переводческой школы в Институте истории естествознания и техники Академии наук СССР. Немецкое слово *Bild* здесь переводится и как «образ», и как «картина», хотя используется Герцем буквально в соседних предложениях в абсолютно одинаковых грамматических конструкциях: «То, что приписывается образам ради их правильности, содержится в данных опыта, на основе которых построены образы. То, что приписывается образам ради их допустимости, дано свойствами нашего ума. Является ли *образ (Bild)* допустимым или нет, можно решить однозначно в положительном или отрицательном смысле, и при этом наше решение сохраняет силу навсегда. Является ли *картина (Bild)* правильной или нет, можно тоже решить однозначно в положительном или отрицательном смысле, но только по состоянию нашего теперешнего опыта и при допущении оговорки, касающейся более позднего и более зрелого опыта»²².

Однако переводчик в любом случае вынужден делать тот или иной выбор, и мы, во избежание недоразумений с полисемантичностью и литературной насыщенностью русского «образа», при каждом вхождении *Bild*, как правило, предпочитаем использовать более нейтральное и, на наш взгляд,

²² Генрих Герц, *Принципы механики, изложенные в новой связи*. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 15.

более подходящее для передачи мысли Витгенштейна русское слово «картина», прекрасно отдавая себе отчет в том, что подобная настойчивость не всегда оправданна (и в связи с этим рекомендуем читателю на свой вкус мысленно подставлять слово «образ» вместо «картины» там, где ему эта лексема покажется более подходящей). В обоснование этого решения можно приводить множество аргументов (и все они будут относительны), но мы укажем лишь на рассуждение Келли Хамильтон: «Как отмечает Дэвид Стерн, “Витгенштейн использовал немецкое слово *Bild*, говоря о модели, и этот термин обычно переводится как ‘картина’; в результате теория значения, для которой оно послужило источником вдохновения, стала известна как картинная теория. Хотя оба слова охватывают такие вещи, как образы, кадры на пленке/кадры из фильма, рисунки и картины, идея трехмерной модели передается немецким словом *Bild* лучше, чем английским словом *picture* (картина). Поэтому, хотя я буду следовать сложившемуся словоупотреблению и не буду говорить о ‘модельной теории значения’ у Витгенштейна, важно иметь в виду, что теория предполагает обобщения на основе того, что предположительно объединяет модели, картины и т. д., и рассматривает двухмерные картины всего лишь как один из видов *Bild*”. Точно так же для понимания перевода немецкого *Bild* как английского *picture* в предложениях, цитируемых в последующих рассуждениях, важно иметь в ви-

ду этот трехмерный смысл немецкого слова *Bild*»²³.

Слова благодарности. Работа над этим переводом продолжалась невероятно и (для переводческого этоса) неприлично долго, сталкиваясь с многочисленными инклюзивными препятствиями. Нехватку времени, бич многопрофильных активностей, удалось преодолеть лишь со временем; с лингвистическими затруднениями помогли справиться друзья и коллеги, щедро поделившиеся своими компетенциями и тем самым фактически являющиеся соавторами перевода (разумеется, в части верных решений; все погрешности остаются исключительно на нашей совести): *Людмила Кортунова* на ранних подходах к *Zettel* терпеливо и кропотливо разбирала все ошибки и предлагала свои варианты перевода, который без ее участия едва ли смог бы состояться; *Артем Смирнов* проделал с черновиком перевода то же самое, но уже на следующем этапе работы, дополняя это неоценимыми консультациями научного характера; *Дмитрий Кралечкин* и *Инна Кушнарева* подмечали интонационные и содержательные огрехи, направляя и выравнивая стиль; *Кирилл Чепурин* старался обозначить и высветить те темноты, которые являлись неминуемым следствием фрагментарности и недоработанности автором некоторых заме-

²³ Kelly Hamilton, "Wittgenstein and the Mind's Eye", in *Wittgenstein: Biography and Philosophy*/ Ed. by James Klagge. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 91, note 2.

ток, входящих в этот корпус; и наконец, *Михаил Маяцкий* взял на себя труд научной редакции финальной версии перевода. Окончательную форму перевод приобрел в умелых руках редактора издательства Ad Marginem *Максима Фетисова* и его в высшей степени профессиональных коллег. Глава издательства *Александр Иванов* дал шанс публикации осуществиться. Всем этим людям мы искренне и безмерно благодарны.

Перевод не мог бы завершиться без исследовательской стипендии «Евразия в глобальном диалоге» *Института наук о человеке (Institut für die Wissenschaften vom Menschen)* в Вене.

Предисловие издателей

Публикуемое ниже собрание заметок составлено самим Витгенштейном. Он вырезал различные фрагменты из машинописных текстов и хранил их в коробке с надписью “Zettel”²⁴. Большинство исходных текстов сохранилось в копиях. Однако некоторые первоначальные материалы обнаружить не удалось: предположительно, Витгенштейн уничтожил их, сохранив лишь фрагменты для *Zettel*. В коробке находилось также небольшое количество рукописных заметок, по-видимому, представлявших собой дополнения к некоторым темам с других листков.

Самые ранние из этих фрагментов, насколько мы можем судить, относятся к 1929 году. Самая поздняя заметка дати-

²⁴ Словарные значения немецкого *Zettel*: листок [клочок] бумаги, бумажка; карточка; записка; этикетка, наклейка, ярлык. Однако самым верным и точнее всего отражающим авторский замысел этой коллекции заметок было бы русское словосочетание «Опавшие листья», причем именно в том смысле, какой придавал ему В. В. Розанов (со всеми поправками на характер и манеру мышления). Впрочем, мы не решились на столь радикальное сближение двух этих авторов, оставляя возможные коннотации за пределами обложки и титульных страниц книги, и остановились на формальном названии «Заметки», что относительно точно передает сущность и структуру текстовых фрагментов данного собрания. Между тем, опираясь на опыт всех существующих европейских переводов *Zettel*, где в названии издатели оставляют именно немецкое слово, мы предпочли идти по тому же пути и использовать в оформлении книги *Zettel* как приоритетное. – Прим. перев.

рована августом 1948 года. Подавляющее большинство листов – фрагменты машинописи, надиктованной Витгенштейном в 1945–1948 годах.

Заметки об одном и том же предмете часто были соединены между собой скрепкой, но в коробке лежало и много разрозненных бумаг. Несколько лет тому назад Питер Гич систематизировал этот материал. Он оставил вместе то, что было скреплено, и постарался сгруппировать прочие заметки по темам. С некоторыми незначительными изменениями мы придерживались этой системы и, пользуясь случаем, хотели бы здесь поблагодарить Питера Гича за его нелегкий и утомительный труд. Хотя по своему характеру такая последовательность фрагментов весьма отличается от того, что сам Витгенштейн применял в своих «Заметках», мы сочли, что у нас получилась довольно удачная, легко читаемая и показательная подборка.

Поначалу мы долго не могли объяснить себе, чем, собственно, являлось содержимое этого короба: остатками, не вошедшими в какую-то другую работу? Или это был контейнер для хранения внезапных озарений? Следовало ли опубликовать те полновесные работы, которые, как оказалось, служили источником для этой коллекции, а *Zettel* отложить в сторону? Одна из таких работ – новая редакция «Философских исследований»²⁵ (со значительными добавлени-

²⁵ Опубликовано в: Людвиг Витгенштейн, *Философские работы* / Составл., вступ. статья, примеч. М. С. Козловой. Перевод М. С. Козловой и Ю. А. Асеева.

ями), другая – пространный ранний трактат²⁶, который, если бы мы решились его опубликовать, из-за многочисленных смысловых повторов поставил бы перед нами неразрешимую издательскую задачу. Третья работа, – из которой, правда, было заимствовано совсем немного вырезок, – уже была опубликована ранее под названием «Философские заметки»²⁷.

После того как были обнаружены источники большинства машинописных фрагментов, сравнение с этими первоначальными вариантами, как и некоторые внешние признаки, ясно показало, что Витгенштейн не просто хранил листочки с этими заметками, но работал над ними, переделывал их и шлифовал. Это позволяет предположить, что отдельные материалы добавлялись им к этому собранию с определенным умыслом. Содержимое короба в целом имело совершенно иной характер, чем многочисленные папки более или менее «разрозненных» бумаг, также составляющие его наследие.

В результате мы пришли к убеждению, что здесь храни-

М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319. – *Прим. ред.*

²⁶ Имеется в виду так называемый “Big Typescript” (двуязычное издание: Ludwig Wittgenstein, *The Big Typescript*, TS 213 / Edited & translated by C. Grant Luckhardt and Maximilian A.E. Aue. Oxford: Blackwell Publishing, 2005). – *Прим. перев.*

²⁷ Ludwig Wittgenstein, *Werkausgabe in 8 Bänden* / Aus dem Nachlass herausgegeben von Rush Rhees. Bd. 2. Philosophische Bemerkungen. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. – *Прим. ред.*

лись заметки, которые, по мнению Витгенштейна, могли ему пригодиться и которые он берег с намерением при случае вплетать в соответствующие места законченных работ. Однако теперь нам известно, что стиль его работы отчасти в том и состоял, чтобы выбирать — из великого множества написанного им — короткие, самостоятельные, готовые фрагменты и сортировать их по группам.

Не все опубликованные здесь заметки таковы; некоторые отрывки были грамматически неполными, и это выглядело так, будто они внезапно оборваны ради новой мелькнувшей мысли или удачно найденного выражения. Тогда, по возможности, мы добавляли отсутствующие слова из упомянутых выше сохранившихся копий. Один раз нам пришлось самим домысливать заключительные слова. В исключительных случаях возникала необходимость добавить местоимение или что-то подобное, что помогало бы установить связь с содержанием предшествующих заметок. В одном месте мы вставили соответствующее слово из оригинальной рукописи, и в нескольких немногочисленных случаях мы сделали подобающие добавления. Квадратные скобки использовались издателями; заметки на полях, добавленные к своему тексту самим Витгенштейном, приведены в квадратных скобках после слов «заметка на полях». Во всех других случаях помещенные в квадратных скобках слова добавлены нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.